

**Экспертное заключение
заведующего кафедрой истории государства и права
юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
профессора В. А. Томсинова**

Передо мною были поставлены вопросы о смысле статьи 2 Соглашения между Правительством Французской Республики и Правительством Российской Федерации об окончательном урегулировании взаимных финансовых и имущественных требований, возникших до 9 мая 1945 года, подписанного в Париже 27 мая 1997 года (Accord entre le Gouvernement de la République française et le Gouvernement de la Fédération de Russie sur le règlement définitif des créances réciproques financières et réelles apparues antérieurement au 9 mai 1945, signé à Paris le 27 mai 1997), а также о том, применимо ли указанное Соглашение к спору между Российской Федерацией и РПРА по поводу земельного участка и Собора Св. Николая в Ницце.

При оценке Соглашения между правительствами Франции и России от 27 мая 1997 года и толковании смысла статьи 2 данного документа необходимо учитывать обстоятельства, при которых он был принят и все его содержание.

Указанное Соглашение было принято, как указывается в его преамбуле, во исполнение статьи 22 Договора между Россией и Францией от 7 февраля 1992 года и Меморандума о соглашении Правительства Французской Республики с Правительством Российской Федерации (Mémorandum d'accord Le Gouvernement de la République française et le Gouvernement de la Fédération de Russie), подписанного 26 ноября 1996 года. Статья 22 Договора гласила: «Российская Федерация и Французская Республика обязуются договориться, по возможности в короткие сроки, об урегулировании возбуждаемых каждой стороной споров, касающихся финансовых и материальных аспектов имущества и интересов физических и юридических лиц обеих стран (la République française et la Fédération de Russie s'engagent à s'entendre, si possible dans des délais rapides, sur le règlement des contentieux soulevés par chaque Partie relatifs aux aspects financiers et matériels des biens et intérêts des personnes physiques et morales des deux pays)».

Меморандум от 26 ноября 1996 года предусматривало выплату Правительством Российской Федерации суммы в 400 миллионов долларов США для окончательно урегулирования взаимных требований между Францией и Россией, предшествующих 9 мая 1945 года (en règlement définitif des créances

réci­proques entre la France et la Russie antérieures au 9 mai 1945)¹. При этом устанавливалось, что данная сумма будет выплачиваться восемью частями по 50 миллионов долларов США каждые 1 февраля и 1 августа 1997, 1998, 1999 и 2000 годов. Французская и русская стороны обещали «не предъявлять после этого друг к другу от своего имени или от имени физических и юридических лиц, соответственно русских и французских, и не поддерживать в какой-либо иной манере финансовые или материальные требования, возникшие до 9 мая 1945 года (Les parties française et russe, en leur propre nom, ou au nom de personnes physiques ou morales, russes et françaises respectivement, ne présenteront pas l'une à l'autre ni ne soutiendront d'aucune autre manière les créances financières ou réelles, quelles qu'elles soient, apparues antérieurement au 9 mai 1945)». В тексте соглашений от 26 ноября 1996 года заявлялось также о том, что «все эти требования будут считаться окончательно и полностью урегулированными выплатой суммы, упомянутой в настоящем Меморандуме (Toutes ces créances seront réputées avoir été réglées définitivement et intégralement par le versement de la totalité de la somme mentionnée dans le présent Mé­mo­ran­dum)».

Положения приведенного Меморандума вошли в содержание статей 3 и 4 Соглашения от 27 мая 1997 года. Так, в статье 3 говорилось: «В качестве полного и окончательного урегулирования всех взаимных финансовых и имущественных требований, возникших до 9 мая 1945 г., Российская Сторона выплатит Французской Стороне, а Французская Сторона соглашается принять сумму в размере 400 миллионов долларов США». Таким образом, сущность предусмотренных в Соглашении от 27 мая 1997 года финансовых и имущественных требований, возникших до 9 мая 1945 года (créances réciproques financières et réelles apparues antérieurement au 9 mai 1945) была такова, что они «окончательно и полностью урегулировались одной лишь выплатой определенной денежной суммы (в данном случае — 400 млн. долл. США). **Такое могло быть только в одном случае, а именно: если под указанными требованиями понималось в данном Соглашении не конкретное имущество — какая-либо недвижимость: например, земельный участок или Собор, но исключительно долги или материальный ущерб, убытки. Материальные требования лишь такого рода могли быть легко удовлетворены выплатой определенной денежной суммы.**

В «Ответных Апелляционных резюмирующих заключениях» РПРА делается попытка доказать, что под «материальными требованиями», о которых идет речь

¹ См. оригинальный текст Меморандума о соглашении 26 ноября 1996 года: <http://admi.net/jo/19980515/MAEJ9830040D.html>

в Соглашении между правительствами Франции и России от 27 мая 1997 года, понимается и недвижимость. *«Соглашение от 27 мая 1997 г. с материальной точки зрения включает в себя земельный участок и Русский Православный Собор Ниццы (L'accord du 27 mai 1997 couvre matériellement le terrain et la Cathédrale Orthodoxe Russe de Nice)»* (P. 20 Conclusions d'Appel...). А поскольку Российская сторона отказывается в данном Соглашении предъявлять и поддерживать «материальные требования», то РПРА делает отсюда вывод об отказе и от названного земельного участка и Собора. *«Из этого следует, — заявляет РПРА в своих выводах, — что Российская Федерация уже ранее официально отказалась от всех требований относительно права собственности на Русский Православный Собор Ниццы и его участок, причем сделала это до того, как подала на Религиозную Ассоциацию иск в Суд высокой инстанции Ниццы»*. (P. 22 Conclusions d'Appel...). В данном утверждении не учитывается, что **по ныне действующей Конституции Российской Федерации Правительство всего лишь «осуществляет управление федеральной собственностью»** (статья 114. п. «г») **и не имеет права отказываться от нее — тем более в пользу другого государства и иностранного юридического лица.** Поэтому если бы кто-то имени Правительства на самом деле заключил договор, в котором говорилось об отказе Российского государства от какого-либо принадлежащего ему имущества (в частности, земельного участка в Ницце), то такой договор был бы изначально недействительным и причем без каких-либо условий, а член Правительства, его подписавший, подлежал бы ответственности.

Содержание статей Соглашения от 27 мая 1997 года не дает оснований толковать термин «материальные требования» в смысле права собственности на имущество.

Так, **в статье 1** поясняется, что имеется в виду под «финансовыми и имущественными требованиями, возникшими до 9 мая 1945 г.», которые не будет ни от своего имени, ни от имени французских физических и юридических лиц предъявлять Российской Стороне или иным образом поддерживать Французская сторона. Это:

«а) требования, касающиеся всех займов и облигаций, которые были выпущены или гарантированы до 7 ноября 1917 г. Правительством Российской Империи или государственными органами, управлявшими любой частью Российской Империи, и которые принадлежат Правительству Французской Республики или французским физическим и юридическим лицам;

b) требования в отношении интересов и активов, находившихся на территории, управлявшейся Правительством Российской Империи, правительствами, пришедшими на смену Правительству Российской Империи, Правительством Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Правительством Союза Советских Социалистических Республик, на которые Правительство Французской Республики, а также французские физические и юридические лица были лишены прав собственности или владения;

с) требования, касающиеся долгов Правительству Французской Республики или французским физическим и юридическим лицам со стороны:

Правительства Российской Империи, Правительств, пришедших на смену Правительству Российской Империи, Правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, Правительства Союза Советских Социалистических Республик, любой организации, созданной в соответствии с законодательством указанных государств, любого лица, которое проживало или осуществляло профессиональную деятельность на территории, управлявшейся вышеуказанными правительствами».

В п. b говорится о праве собственности и владении, но только в отношении такого имущества, которое находилось на территории бывшей Российской империи и которого Правительство Франции и французские граждане и юридические лица были лишены в результате национализации.

В статье 2 в числе финансовых и имущественных требований, возникших до 9 мая 1945 г., которые «Российская Сторона не будет ни от своего имени, ни от имени российских физических и юридических лиц предъявлять Французской Стороне или иным образом поддерживать», называются:

a) требования, связанные с интервенцией 1918–1922 гг. и являющиеся результатом военных действий или столкновений, имевших место в течение указанного периода;

b) требования, касающиеся всех находящихся во Франции активов, принадлежавших: Правительству Российской Империи, Правительствам, пришедшим на смену Правительству Российской Империи, Правительству Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, Правительству Союза Советских Социалистических Республик, любой организации, созданной в соответствии с законодательством указанных государств;

с) требования, касающиеся той части золота, переданного Правительством Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

Правительству Германии во исполнение Дополнительного соглашения к Брест-Литовскому мирному договору, подписанному 3 марта 1918 г., которая впоследствии была передана Правительству Французской Республики в силу Версальского мирного договора, подписанного 28 июня 1919 г. между Союзными и Объединенными Державами и Германией, а также требования, касающиеся того золота, которое, по заявлению Российской Стороны, было передано Франции адмиралом Колчаком;

d) требования, касающиеся долгов со стороны Правительства Французской Республики, любой организации, созданной в соответствии с законодательством Французской Республики, или любого лица, которое проживало или осуществляло профессиональную деятельность на французской территории, в пользу Правительства Российской Империи, Правительств, пришедших на смену Правительству Российской Империи, Правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, Правительства Союза Советских Социалистических Республик, российских или советских физических и юридических лиц».

РПРА пытается доказать, что земельный участок и Свято-Николаевский Собор в Ницце входят в категорию *«всех находящихся во Франции активов, принадлежавших Правительству Российской Империи»*. Но из смысла Соглашения от 27 мая 1997 года очевидно, что Франция и Россия стремились посредством его окончательно и полностью урегулировать **споры не о принадлежности какого-либо имущества на территории Франции или России, но взаимные требования о компенсации каждой из сторон Соглашения за имущество, которое, во-первых, было ею утрачено в результате национализации, а во-вторых, принадлежало ей бесспорно. Соглашение от 27 мая 1997 года не решает вопроса о праве собственности на то или иное имущество, оно касается только компенсации за него. Спор о праве собственности правомочен решать только суд.**

Земельный участок и Собор Св. Николая в Ницце не был национализирован Французским правительством и не стал бесхозным (хотя бы уже в силу того, что СССР принял на себя права и обязательства Российской империи, не противоречившие его внутреннему строю). Российская Федерация не требует компенсации за него, но желает соблюдения договора об эмпитеотической аренде, заключенного в 1909 году на срок 99 лет. Данный срок истек и в соответствии с договором РПРА должна была возвратить земельный участок и Собор, которым владела на правах арендатора законному собственнику. Вместо

этого РПРА начала оспаривать право собственности Российской Федерации на этот земельный участок и Собор. И при этом стала ссылаться на Соглашение от 27 мая 1997 года. Но сам факт существования спора о принадлежности данного имущества исключает применение к нему указанного Соглашения.

Правительства России и Франции не правомочны определять, кому принадлежит право собственности на то или иное имущество и тем более не могут лишить собственное государство права собственности на имущество.

Вопрос о принадлежности имущества тому или иному субъекту права решается только судом и на основе документов и фактов.

Сами обстоятельства принятия Соглашения от 27 мая 1997 года свидетельствуют, что оно было предназначено для урегулирования лишь **долговых претензий** и требований о компенсации за ущерб, причиненный одной из сторон Соглашения действиями другой стороны – например, в ходе военной интервенции Франции на территорию Советской России или национализации имущества французских граждан и юридических лиц Советской Россией. Статья 6 Соглашения от 27 мая 1997 года показывает его главную цель. «В течение пятнадцати дней с даты вступления в силу настоящего Соглашения, — гласит она, — будут сняты все ныне действующие ограничения, установленные каждой Стороной и обусловленные или связанные с упомянутыми требованиями, с тем, чтобы каждая Сторона, российские и французские физические и юридические лица имели в соответствии с законами и правилами, действующими в каждом государстве, доступ на российский и французский финансовые рынки». Российская Федерация испытывала с самого начала 90-х годов XX века острейшую потребность в заимствованиях денег на мировых финансовых рынках, но для доступа на них требовалось урегулировать проблему старых долгов. Для этого и принимались Меморандум от 26 ноября 1996 года и Соглашение от 27 мая 1997 года. Намерение быстро договориться о погашении этих долгов зафиксировала и 22 статья Договора России с Францией от 7 февраля 1992 года.

Узкая цель Соглашения от 27 мая 1997 года, а именно: урегулирование долговой проблемы, стоявшей между Францией и Россией еще с 1918 года, объясняет и ту юридическую небрежность, с которой он составлялся. Стороны пришли к соглашению о способе урегулирования долговой проблемы, и Соглашение им было необходимо исключительно для того, чтобы Россия могла начать выплату 400 млн. долл. США в погашение разницы в размерах претензий обеих сторон. Эта разница, то есть сумма в 400 млн., была определена без подсчета взаимных финансовых и материальных претензий, которые вообще

было очень трудно подсчитать, но лишь на основании представлений о финансовых возможностях России, то есть исключительно дипломатическим путем.

О том, что составители Соглашения от 27 мая 1997 года мало заботились о его юридической чистоте, свидетельствует, например, содержание статьи 8. Она устанавливает, что «настоящее Соглашение вступает в силу с даты его подписания». Но согласно 53 статье действующей Конституции Франции «Мирные договоры, торговые договоры, договоры или соглашения, относящиеся к международным организациям, договоры, **касающиеся финансов государства**, изменяющие положения законодательного характера, относящиеся к статусу личности, уступке, обмену или присоединению территории, могут быть ратифицированы или одобрены **только на основании закона**» (выделено мною. — В. Т.). Это означает, что Соглашение могло на основании Конституции Франции вступить в силу только после принятия парламентского закона о его ратификации. Но Французское правительство желало быстрее получить с России первые 50 млн. долл. в счет погашения долгов Российской империи. И получило — уже 1 августа 1997 года. И ради этого нарушило собственную Конституцию.

Правительство России тоже нарушило Конституцию, но зато получило доступ на мировые финансовые рынки, то есть к новым заимствованиям.

Аналогичный случай был после Второй мировой войны. Франция согласилась на помощь от США по плану Маршалла, однако она имела старые долги перед Великобританией и США, без выплаты которых не могла получать кредитов. Выход из этой ситуации был найден в быстром заключении Францией соглашения о выплате небольшой, скорее символической, сумме. Такое соглашение позволило Французскому правительству получить кредит. В 1997 году эта ситуация повторилась с Россией. И Франция поступила так же, как когда-то США. Но в обоих этих случаях соглашения о выплате старых долгов были скорее **политическими**, нежели **юридическими** актами.

В доказательство того, что Соглашение правительств Франции и России от 27 мая 1997 года является более политическим, чем юридическим актом, можно привести и текст статьи 7, в котором говорится: *«Выплата суммы, указанной в статье 3 настоящего Соглашения, не будет считаться признанием какой-либо Стороной наличия у нее ответственности по каким бы то ни было требованиям, урегулированным настоящим Соглашением, или подтверждением юридической действительности какого бы то ни было из указанных требований»*. С юридической точки зрения содержание приведенной

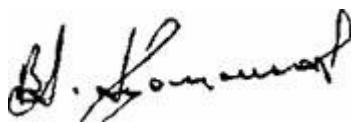
статьи — нонсенс, полная бессмыслица. Из него следует, что Россия выплачивает 400 миллионов долларов Франции не потому, что на ней лежит ответственность и обязательство выплатить эту сумму. Более того, выплата этой суммы не считается признанием наличия такой ответственности. То есть Россия обязуется по Соглашению от 27 мая 1997 года выплатить 400 млн. долл. Франции не потому, что имеет перед ней долговые обязательства, ответственность выплатить. Россия обязуется выплатить эту сумму Франции потому, что Правительства договорились выплатить. Это что — государственная взятка России Франции за доступ на мировые финансовые рынки? Франция берет взятки???

Адвокаты и консультанты РПРА не понимают, что Соглашение от 27 мая 1997 года не может быть использовано в качестве оружия против Российского государства в споре с ним за земельный участок и Собор в Ницце. Не может по одной простой причине — оно способно выстрелить только во Францию.

15 февраля 2011 года

Заведующий кафедрой истории государства и права
Юридического факультета Московского государственного
университета

Имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор



В. А. Томсинов